

К 85-летию В. П. АСТАФЬЕВА

«ТАК ВОТ И ЖИВЕМ — В ЗАБОТАХ И ХЛОПОТАХ...» ПИСЬМА В. П. АСТАФЬЕВА К И. Н. ГЕРГЕЛЮ (1958—1991)

(Публикация Т. М. Вахитовой)

Юрий Тынянов, размышляя о роли бытовых явлений в литературном процессе XIX в. в статье «Литературный факт» (1924), обращался, в частности, к исследованию эпистолярного наследия писателей. «Здесь, в письмах, — писал он, — были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конструкции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, „домашняя“ малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных „грандиозным“ приемам XVIII века. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту. И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы».¹ Ю. Тынянов обращал внимание на то, что из этих писем исчезала манерность, перифраза, шла эволюция к грубой простоте. И вместе с тем происходила канонизация жанра «литературной переписки», обладающая всеми признаками литературного факта.

В XX в., во времена советской эпохи, литературная переписка балансировала на грани литературного факта и бытового явления. При определенном изменении историко-политической ситуации литературное письмо или письмо с литературно-поэтическим смыслом «ныряло» в бытовой поток, приобретая мимикрическую окраску, связанную с вещами, семейными делами, дозволенной информацией. Однако сквозь бытовую картинку нередко просвечивали проблемы более общего характера, связанные не только с движением истории и преломлением исторических фактов в жизни конкретной личности, но и вопросами метафизического и даже трансцендентного смысла. В 1980—1990 гг. эпистолярный жанр приобрел черты объемного историко-литературного явления.

¹ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 265.

Для характеристики эпистолярного наследия В. П. Астафьева, заключенного в рамку второй половины XX в., представляются весьма значительными два методологических замечания Ю. Тынянова: 1) переписка определенного лица в разные периоды его жизни может носить либо литературный, либо бытовой характер; 2) быт соотнесен с литературой прежде всего своей речевой стороной, определенными фактами своей биографии, ассоциативными связями с творчеством и развитием литературного процесса.

Действительно, письма В. П. Астафьева (1924—2001), написанные после демобилизации (1945—1951), еще носят бытовой характер, они связаны с восстановлением нарушенных Великой Отечественной войной родственных и дружеских связей, отличаются краткостью, небольшой информативностью, игнорированием многих этикетных признаков жанра. Быт еще не становится литературным фактом, хотя тяга к сочинительству у Астафьева проявилась очень рано. Однако начало литературной деятельности меняет ситуацию в эпистолярии писателя.

В 1951 г. в газете «Чусовой рабочий» появился первый рассказ молодого Астафьева «Гражданский человек» (позже автор дал ему другое название «Сибиряк»). Первый сборник рассказов В. Астафьева «До будущей весны» вышел в Перми в 1953 г. В 1958 г. был напечатан роман «Тают снега» о жизни колхозной деревни, написанный в традициях беллетристики социалистического реализма. В том же 1958 г. Астафьев был принят в члены СП СССР. В творчестве писателя выделяются четыре периода: чусовской (1951—1962), пермский (1962—1969), вологодский (1969—1980) и красноярский (1980—2001). Причины переезда Астафьева в новый край однозначно определить трудно, они имели и лично-бытовой и общественно-литературный характер, но, возможно, существовала какая-то исчерпанность в интимно-творческом процессе, когда требуется некоторое волевое усилие, чтобы не иссякла живая творческая струя, чтобы собственная художественная мысль приобрела новые черты в другом пространственно-временном поле, в другой человеческо-природной среде. И хотя Астафьева часто приглашали в Москву, он все-таки предпочитал провинцию, где все жизненные силы бушевали ярко и непосредственно.

Переломным в творческой биографии В. Астафьева оказался 1959 год, когда в опубликованных произведениях («Стародуб», «Перевал», «Солдат и мать» и др.) проявились основные характерные черты его творческой индивидуальности. Они обогатились новыми тематическими нюансами, дерзкими по тем временам ассоциациями в повестях 1960-х гг. — «Кража» (1966), «Где-то гремит война» (1967), первые главы «Последнего поклона» (1968). Все герои этих произведений, несмотря на разные фамилии и возраст, отмечены автобиографизмом: у них похожи судьбы, объединенные драматическим поиском существования «по правде и совести». В основу своей творческой жизни Астафьев закладывает свою собственную биографию. Он представляет эту биографию как доминанту высокого поэтического начала в жизни и одновременно как горькую, трагическую и низшую сферу бытия. В этом смысле его проза (как и проза многих других писателей-деревенщиков) сближается

с поэзией С. Есенина. Н. Асеев в статье «Плач по Есенину» писал: «Не русизмом и не национализмом завоевал себе признание Есенин. И не только голым талантливым нутром. Биографию свою он положил в основу своей популярности. Она-то и подчеркивала и акцентировала его стихи». И далее: «Перед нами — живое лицо поэта, не исковерканное гримасой улыбочности и простоты, лицо человеческое и дорогое нам».² Эти слова можно полностью отнести и к творческой индивидуальности Виктора Астафьева.

Поэтому начиная с конца 1950-х гг. и далее до конца отпущенного писателю срока начинается период активной переписки, обладающий, несмотря на некоторую простоватость и скупость вначале, принадлежностью к литературному ряду, сближающему ассоциативными мотивами опубликованные художественные произведения со многими письмами самым разным адресатам, в первую очередь друзьям-писателям, критикам, литературоведам, фронтовым друзьям, родственникам и т. д.

Эта переписка, выполненная в различных модификациях эпистолярного жанра — историко-эпического разговора, определенных циклах метафизического характера, локальных версиях, окказиональных текстах, деловых письмах, эпистолярно-публицистических телеграммах в разные организации и руководителям государства, всегда находилась в контексте острых идеологических, политических и эстетических дискуссий. Можно вспомнить переписку Виктора Петровича с Н. Эйдельманом, рассказ В. Астафьева «Ловля пескарей в Грузии», резкое заявление писателя в Институте истории РАН о том, что Ленинград можно было бы сдать фашистам, чтобы предупредить те страшные человеческие жертвы, которые вынес город во время блокады.

После выхода в свет романа «Печальный детектив» (1986) события современности и исторического прошлого стали рассматриваться Астафьевым с позиции максималистского идеала, высшей нравственной идеи, и, естественно, они не соответствовали их должному воплощению. «В любви и ненависти я середины не приемлю», — заявлял Астафьев.³ Этот то ли юношеский, то ли воспитанный войной максимализм проскальзывал и раньше, но тогда он каким-то образом уравнивался особой печалью по утраченной в войне молодости, по исчезающей красоте мира, горечью от проявления равнодушия к общественному возрождению человека. К концу жизни печаль окрасилась пеплом беспросветного пессимизма, а максимализм обрел резкий и необратимый характер. Об этом свидетельствуют письма, которые сам писатель еще при жизни опубликовал в последних двух томах своего прижизненного собрания сочинений в 15 томах (Красноярск, 1997—1998). Он опубликовал и свои письма, и письма своих адресатов, избранность которых лишь очерчивала тот магический круг интересов автора и интересов окружающего его мира, которые вступали в противоречие, соединялись в каких-то определенных точках, чтобы вновь разойтись. Нужна была дерзость и мужество лихого фронтовика Астафьева, чтобы составить

² Асеев Н. Дневник поэта. Л., 1929. С. 32.

³ Астафьев В. «Средины я не приемлю...» // Правда. 1989. 30 июня.

подобный эпистолярый, не имеющий аналога в эпистолярном наследстве писателей XX в. (К сожалению, эти письма имеют приблизительную датировку, а иногда — даже ошибочную, к ним имеется лишь специфический комментарий самого автора в конце издания.)

Среди архивных материалов, переданных в РО ИРЛИ РАН вдовой писателя Марией Семеновной Астафьевой-Корякиной, находится большой корпус писем Виктора Петровича фронтовому другу — Ивану Николаевичу Гергелю из Орска, которого вынес будущий писатель раненого с поля боя. (Об этом факте рассказывал Астафьев актеру Г. Жженову в документальном фильме «Русский крест» (1995).) Письма представляют собой черновые автографы с подписью. Другие девять писем (1990—2001) опубликованы в книге Астафьев В. П. «Нет мне ответа...», изданной в 2009 г. в Иркутске Г. Сапроновым. Несмотря на этот факт, и оставшаяся в ИРЛИ часть писем восстанавливает определенный слой личной жизни художника, корреспондирующий с другой информацией и, что самое главное, — с его художественными произведениями, а это всегда интересно и исследователям литературы, и читателям.

В переданном вдовой в РО ИРЛИ архиве В. Астафьева находятся двадцать четыре письма Виктора Астафьева Ивану Гергелю. Иван Николаевич сам нашел Виктора Петровича в Чусовом в 1946 г. Он имел техническое образование и до конца 1970-х гг. руководил заводской фотолабораторией, позже ушел на пенсию. Первая встреча с однополчанином после войны состоялась в 1966 г. В письме к Е. И. Носову (любимому другу-литератору) 13 февр. 1966 г. Виктор Петрович сообщал: «Меня какое-то время не было дома — ездил в Орск — к единственному сохранившемуся фронтовому другу, которого не видел 22 года. Встреча была трогательная, а воспоминания получились однообразно-грустные, все больше о том, как мы ищачили на войне и как измывались над нами наши доблестные командиры и отцы-политруки» (ф. 805).

К сожалению, ответные письма самого Ивана Николаевича остались, по-видимому, в семейном архиве Астафьева. Поскольку почерк писателя далек от каллиграфического, многие трудночитаемые слова имеют «расшифровку» Марии Семеновны, воспроизведенную над астафьевским начертанием.

Разумеется, этот материал представляет собой личные, бытовые письма, почти лишенные этикетных характеристик: часто не указаны даты, город, где письмо было написано, не назван, например, праздник, с которым писатель поздравлял своего старинного друга. Они не выправлены стилистически, а написаны как придется. Однако это можно понять, ибо та огромная работа, которую проделывал писатель над своим текстом, переписывая его по пять-шесть раз, не оставляла возможности работать над стилем писем к друзьям. Письма публикуются по черновым автографам, хранящимся в архиве В. Астафьева (ф. 805), проходящем первоначальный этап научно-технической обработки.

Если все эти письма перечитать «залпом», не отрываясь, то можно заметить, что они все построены, если уместно здесь употребить это слово, по одному принципу, отражающему разные грани восприятия мира подобно художественному произведению. Всякий раз

образуется неповторимая художественная конструкция, которая так или иначе варьируется в последующих письмах. Вместе с тем основной каркас этой конструкции сохраняется.

1. Почти в каждом письме вместо приветствия — обращение. Астафьев в течение долгих лет начинает свое письмо другу: «Дорогой Ваня!».

2. Если письмо написано к празднику, то, естественно, оно начинается с поздравления с маем, Днем победы, октябрем, Новым годом. Пожелания всегда сформулированы кратко и афористично: «Пусть у тебя все хорошо устроится на новом месте и здоров будь!» <1976>; «Желаю всем доброго здоровья, теплой и сытой зимовки, да мирного, хоть и дымного, неба над головой» <1980>; «Прими мои сердечные поздравления...» <1970>.

3. Далее в письмах Астафьева раскрывается внутреннее взаимодействие писателя с самим собой, часто возникает небольшая характеристика надвинувшегося этапа жизни: «Приехал я из Латвии, где был на декаде русской культуры <...> Декада в Латвии была интересной, но утомительной, поэтому я сразу же уехал в деревню, где работаю и по лесу брожу» <1967>; «Дни и годы идут — завтра мы с Марией отмечаем серебряную свадьбу» <1970>; « Жизнь нас кружит и вертит на старости лет как обкопченный стог, выбивая из него последние зерна и пыль, да ос...» <1983>.

4. Через факты семейного быта выявлялось отношение к социалистическому обществу, которое В. Астафьев воспринимал критически: «Ребята — оба, завалили экзамены в университет, а точнее их завалили, ибо везде сейчас блядство такое, что не приведи Господь — берут таких паршивых людей, номенклатурных и торговых работников, а от меня чего? Ни шерсти, ни поклона!» <1967>; «Сын мой находится в Чехословакии. Очень мы за него беспокоимся и переживаем» <1968>; «Поотравили у нас птицу химикалиями, обсыпают лес с самолетов, травят клещей, а гибнет птица — клещи живут» <1968>; «Урожай хороший, но горько, что, как у нас водится, не сумели полностью убрать, а то, что убрано, сгноят и с протянутой рукой двинутся к врагам за помощью: „Подайте ради коммунизма, господ империалисты!“» <1980>; «Посылаю тебе книгу „Затесей“, в ней большинство новых, пока выходила эта книга, крови мне испортили банку» <1983>.

5. Особое отношение Астафьева к военной теме проявлялось в сообщениях о поездке с супругой к фронтовым друзьям в гости, о встречах и письмах фронтовиков, но официозные приемы по случаю Дня победы или других военных дат всегда у него вызывали чувство горечи, обиды и чего-то неискреннего, враждебного: «В сентябре я ездил на встречу нашей дивизии в Киев. ...Люди эти изменились внутренне очень мало, все так же высокомерны и пусты, говорить с ними в общем-то не о чем, а слушать хвастовство и прочее противно» <1968>.

6. Другой пласт жизнеописания в письмах Астафьева к Ивану Гергелю связан с природой, охотой, которые помогали писателю в жестокие периоды жизни выстоять, сохранить и даже приумножить творческий потенциал: «Ваня! Мелкашку⁴ я не оформил и не знаю, как это сделать?

⁴ Мелкашка — мелкокалиберное ружье, которое Иван Гергель, по-видимому, купил для Виктора Астафьева.

Знакомых у меня в милиции нет...» <1967>; «Все лето я промотался — ездил после Ленинграда в ГДР, месяц жил на Урале, затем ездил на Обь, настрелялся и нарыбачился досыта, после был в Москве и Архангельске» <1970>; «Я всё лето устраивался, строил гараж, горотьбу, обихаживал избушку, всё это требует времени, средств и моего присутствия. Ещё я не отдыхал, раза два съездил по ягоды и грибы, и всё. Очень начали болеть суставы ног — прямо и ходить не могу, особенно когда погода плохая, болит и голова, всё болит, по всему телу дрожь „ходит“ и напоминает о загубленной молодости» <1981>.

Можно было бы и дальше выявлять в эпистолярии Астафьева определенные пласты, начиная с трагической семейной жизни, отмеченной утратой детей, до лексических рядов, ассоциирующихся с глобальными дефинициями — космос, Бог, вечность. Они редко просвечивают сквозь бытовую вязь астафьевских писем, но тем не менее их пуктирное присутствие ощущается в подтексте, придавая этому материалу некий до конца не высказанный смысл.

Многие бытовые реалии и факты, о которых сообщал Виктор Петрович своему корреспонденту, оказались в той или иной степени включенными в его художественные произведения.

Работа с редактором, например, о которой он сообщал как о потере «банки крови», была воспроизведена в повести «Печальный детектив» (1986) при встрече Сошнина с монструозным работником редакции. Нарушение экологических норм и разгул морального мракобесия составляет центральную проблему повествования в рассказах «Царь-рыба» (1976). Семейные и родственные конфликты и трагедии воспроизведены в «Последнем поклоне» (1958—1978), в «Печальном детективе», в повести «Людочка» (1989). Страсти военного времени с ненавистью Астафьева к командующему составу, не жалеющему простых солдат, к политсоставу воплотились в первых двух частях романа «Прокляты и убиты» (1992—1994). Неубранные поля, о которых писал Астафьев Гергелю, стали центральной сценой, определяющей всю структуру и композицию этого романа, несущей главную историко-философскую идею этого произведения. О ней сам писатель сообщил критику В. Курбатову 13 марта 1991 г.: «Написал я, кажется, главный кусок о погибшем хлебном поле. Это вот и есть смысл всей человеческой трагедии, это и есть главное преступление против себя, то есть уничтожение хлебного поля, сотворение которого началось миллионы лет назад, с единого зернышка и двигало разум человека, формировало его душу и нравственность, и большевики, начавшие свой путь с отнимания и уничтожения хлебного поля и его творца — есть самые главные преступники человеческой, а не только нашей, российской истории».⁵

Это, можно сказать, главный постулат «крестьянского реализма» (термин Ю. Борева), который сформировался во второй половине XX в. и существовал под грифом «деревенской прозы» параллельно социалистическому реализму и другим течениям. Роль в этом процессе Виктора Астафьева трудно переоценить.

⁵ Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Красноярск, 1998. Т. 15. С. 74.

<1958> Б / д.

Дружище Иван!

Наконец-то ты сыскался. Я уж писал как-то в редакцию газеты, но ответа не дождался. А потом письма, наверное, заблудились. Я ведь тоже немножко переехал, сменил данные. Теперь у меня тоже с жильем дело обстоит неплохо, есть у меня своя комната, как и у тебя (адрес мой теперь выглядит так: Пермская область, г. Чусовой, ул. Нагорная, 60).¹ <нрзб.> за то время свершилось у меня немного событий. Вышел из печати мой роман «Тают снега» в Перми² и сборник рассказов «Теплый дождь» в Москве.³ В октябре меня приняли в члены Союза писателей, и я ездил на 1-й учредительный съезд в Москву.

На Урале, у нас, постоянно выходят два журнала «Урал» и «Уральский следопыт», я в них понемножечку начинаю печататься.

Написал я за это время две небольшие повести.⁴ Сейчас готовлю их к печати. Вероятно, также опубликую в журналах, а в каких — сообщу потом.

Домашние дела мои обстоят несколько хуже. Тяжело болела Мария⁵ и еще не оправилась. Подлечила ногу, угробила сердце. Андрей-сынишка⁶ тоже плох. Что-то худеет, чахнет и никакой болезни у него обнаружить не могут. Жизнь идет в трудах и заботах. Отдыхать почти не приходится. Нынче летом приезжали ко мне два приятеля: один из Москвы и другой из Свердловска — вот с ними порыбачил, поохотился и всё. Летом, нынче, мне предстоит творческая командировка в Игарку, и едва ли я смогу попасть к тебе. Но я решил уж так: вот скоро разживусь деньгами (это будет к весне), плюну на всё, сяду в поезд и прикачу к тебе хоть на пару недель, а то нам так и не встретиться будет. И так, летом нагряну я, как снег на голову, потому и книг не посылаю и много не пишу. Привезу сам книги, и тогда мы поговорим обо всем. Договорились? А пока целуй сынов, жену, и я тебя целую.

Будь здоров. Пиши. Виктор.

¹ В последний период жизни в г. Чусовом В. Астафьеву удалось при помощи родственников жены и хороших знакомых построить небольшой домик. См. об этом: *Астафьева-Корякина М. С.* Знаки жизни. Ч. 1. Урал // *Астафьева-Корякина М. С.* Сколько лет, сколько зим. Красноярск, 2000.

² Роман «Тают снега» (Пермь, 1958) посвящен жизни колхозной деревни и создан в традициях беллетристики 1950-х гг. В Астафьев долгие годы не переиздавал его, он появился лишь в последнем прижизненном 15-томном собрании сочинений, вышедшем в Красноярске в 1997—1998 гг. В одном из интервью 1978 г. он назвал этот роман «неудачей», но «эта неудача была своеобразным уроком, чтобы в дальнейшем не писать таких романов, серьезнее относиться вообще к крупному полотну, научиться соизмерять свои силы, не быть таким самонадеянным» (Вологодские затеси Виктора Астафьева. Материалы к творческой биографии писателя. Вологда, 2007. С. 523).

³ Сборник «Теплый дождь» (М., 1958) объединил лучшие ранние рассказы писателя.

⁴ По-видимому, имеются в виду повести «Стародуб» (1959) и «Перевал» (1959).

⁵ Мария Семеновна Корякина (род. 1920 г.) — жена писателя, член СП России, вышла замуж за Виктора Петровича в 1945 г., после демобилизации приехала вместе с ним на Урал в г. Чусовой, где и началась творческая жизнь Астафьева.

⁶ Сын писателя Андрей Викторович родился 13 марта 1950 г. в Чусовом. Сейчас живет в Вологде, работает реставратором.

2

<после 1960> Б / д.

Дорогой Иван!

Уж давненько получил твое письмо и кучу фотографий. Большое тебе спасибо, теперь мне до старости лет хватит этих фото.

Сразу я тебе не смог ответить, текучка заела, а потом уехал в Москву, занимался разными делами, в основном пустыми и заседательскими. Сейчас вот наконец-то смог оглядеться и начать готовиться к охоте. Послезавтра уеду в деревню и пробуду там весь охотничий период, а числа 11-го улечу в Новосибирск, там собираются издать мою повесть в журнале «Сибирские огни».¹

Работу в кино я бросил, потому что не хватает меня на всё, и чтобы заниматься разом литературой и кино, нужны крепкие нервы и здоровье иное.²

Если, в самом деле, поедешь в наши края. Не минуй нас. Пусть даже и меня дома не будет, все равно у нас всегда кто-то дома есть: или дочь, или сын. Как твои орлы живут? Как учатся? Едешь ли ты на охоту? Послал бы я тебе книжку, которая так тебе понравилась, т. е. «Звездопад»,³ но у меня один экземпляр. Так что жди, когда переиздадут, тогда и пришло. А пока поздравляю тебя, Тоню⁴ и ребят с праздником весны и желаю Вам всем бодрого весеннего настроения, здоровья, а ребята чтоб хорошо учились и чтобы меньше огорчали родителей. Семейство мое шлет также лучшие пожелания всем Вам. А я крепко обнимаю. Ваш Виктор.

¹ Повесть «Перевал» была опубликована в журнале «Сибирские огни» (1959. № 4).

² В. Астафьев писал киносценарии для разных киностудий страны по своим рассказам и повестям. Работу эту он не бросил, а возвращался к ней постоянно.

³ Повесть «Звездопад» вышла в свет в Москве в 1960 г.

⁴ Тоня — жена Ивана Николаевича Гергея.

3

<1966> Б / д.

Дорогой Иван!

Столько на меня навалилось дел дома, что лучше б я и не приезжал сюда! И все дела-то — одно срочнее другого, вот почему лишь

сегодня я выбрал время тебе написать. Пришло от тебя письмо. Деньги на ружье я выслал, но успел ли? Дело в том, что в Свердловске я задержался больше недели, а письма от Вас идут очень медленно и долго. Ты совершенно напрасно переживаешь из-за какого-то «неорганизованного приема» моей персоны. Все было совершенно великолепно. И самое главное — была встреча с тобою, и ты, ради бога, не переживай. В жизни нашей и так много разных причин для переживаний.

Карточки твои всем понравились. А мне очень понравилась та, где ты снял меня в профиль, держащимся за рыло. Почти ни одной из этих карточек уже не осталось. <Пока готовилась> обо мне передача по телевидению — пришлось дать туда, да в Москву одну выслал, да в Комарово сегодня вышлю, куда я должен буду поехать весною на семинар. Так что ты отпечатай мне еще штук десять с этого негатива и пришли, если не трудно.

Я очень срочно делал киносценарий для свердловской киностудии.¹ Так что, возможно, году в 1967 увидишь на экране и картину по моему сценарию про большую человеческую любовь и горе людское.

В деревню² я еще не собрался. Некогда, и грибы находятся там, поэтому вышлю их Кобозеву попозднее. Я не забыл его просьбы. Передай ему и твоей сестре привет. А вас обоих обнимаю и желаю вам всего самого хорошего.

Ваш Виктор.

Коля и Володя!³

Посылаю вам маленькую марок — поделитесь. Как у меня будет получше со временем, я поищу в своих бумагах еще марки. Где-то они лежат. Как вы учитесь? Надеюсь лучше? Очень мне хочется, чтоб вы оба учились хорошо и не огорчали мать с отцом. Жму ваши руки. Дядя Витя.

¹ Имеется в виду сценарий, который написал Астафьев по своей повести «Звездапад». Печальную историю этого сочинения он рассказал в письме к неизвестному адресату в 1968 г.: «„Звездапад“ пытались поставить на Свердловской киностудии, уже и деньги мне платили, но жена моя напугалась и велела мне их вернуть, ибо ни за один рассказ мне столько не платили, а тут за сценарий, написанный по готовой вещи... Кино не поставили. Сценарий вернули: то я что-то не так сделал, то режиссера не нашли, то еще что-то непонятное содеялось... Но на этом моя киноопупея не закончилась.

Узнал об этом Юрий Бондарев, что ввязался я в такое дело, а повесть ему нравится. И спрашивает: „Остался ли хоть какой-нибудь экземпляр?“. — „Остался“ — говорю. „Давай его мне, — сказал, — я его в свое творческое объединение отдам, там ребята хорошие, а про любовь хорошего ничего нет“. Я послал. Жду-пожду. Год прошел. Два прошло, а я все жду, но не это главное. Главное, что я работаю там, где бог мне назначил, — пишу потихоньку прозу. Однажды у Бондарева спрашиваю: „В корзину его бросили или как?“ — „Не бросили, но потеряли“, — отвечает мне Юрий. Кулик или Калик какой-то потерял мой „Звездапад“. Как пели в детдоме мои друзья: „Утонул он, утонул, только хером болтанул!..“» (Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952—2001 / Сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. С. 137). Премьера фильма «Звездапад» (реж. И. Таланкин) состоялась в марте 1982 г.

² Деревня Быковка находилась на Урале, маленький домик в ней порекомендовал купить Астафьеву главный редактор Пермского издательства Борис Никандрович Назаровский. См. об этом: Астафьева-Корякина М. С. Сколько лет, сколько зим. С. 335.

³ Николай Иванович и Владимир Иванович — сыновья Ивана Николаевича Гергеля.

Дорогой Ваня!

В тот день, как я тебе отправил письмо, явилась девушка Люда и позвала меня к себе в общежитие. Я поехал, взял сверток и слышу, что он очень тяжелый. Что, думаю, такое? А там, оказывается, мелкашка. Я тут советовался насчет того, чтобы оформить ее на себя, но, говорят, очень это сложно, а я ведь в таких делах простофиля и использовать свое положение совсем не умею, но если даже и не оформлю, ты не беспокойся особо — она будет у меня в деревне, куда никто не заглядывает и, как только потребуется тебе, я ее немедленно запакую и вышлю, но я все же надеюсь добиться разрешения. Ружье мне очень понравилось. Пусть будет два. У меня ведь Андрею исполняется 16 лет, так что и ему ружье нужно будет. Я живу по-прежнему. Весь в работе, и еще в деревню не собрался, но в ближайшие дни, наверное, выберусь. Грешим помаленьку с дочерью,¹ как вы с сыновьями.² Надо бы ей готовиться, предстоит куда-нибудь поступать нынче, а поступать будет очень трудно, а она и ухом не ведет, сидит, на пианино поигрывает, да похихикивает с подружкой. Легко живут, <нрзб.> — ни работы, ни <цели>. Ругать станешь — обижается. А ей ведь весною исполнится 18 лет! Прямо забота, да и только! Работу пойти искать? А куда? Кроме как в кондукторы трамвая, ее никуда не возьмут, да и там от нее выручки никакой не будет — больно рассеянная и ненастырная.

Вот так и живем: малые дети — малые заботы, большие дети — большие заботы. Передавай большой привет Хивинову, сестре своей, ее мужу и т. д. Колю и Вовку я обнимаю и целую. От Маши и от меня привет большой Тоне. Тебя целую. Твой Виктор.

¹ Дочь писателя — Ирина Викторовна родилась в г. Чусовом 19 авг. 1948 г., скоропостижно скончалась 19 авг. 1987 г. в Вологде. Похоронена в с. Овсянка. В письме к Е.И. Носову от 25 авг. 1987 г. В.П. Астафьев писал: «Ударило нас в самое сердце — умерла Ирина, дочь наша, оставив нам двух сирот. Умерла ночью, во сне, от сердечного приступа... Я вез ее через всю Россию в цинковом гробу и повсюду встречал только сочувствие и поддержку. Третий день дочка, не дожившая один год до сорока, лежит в сибирской земле, а я не знаю, где нахожусь и что со мной? Одно только чувство, чувство вины гложет меня. Сперва плакал. Сейчас не могу. Не дай Бог никому переживать детей своих. Все должно идти по порядку. Я хороню уж вторую свою дочь. В 1946 г. хоронил маленькую и горя до конца не осознал пока не принял горе в сердце, потом, когда сердце устало» (ф. 805). Последнее произведение В.П. Астафьева «Веселый солдат» (1998) имеет посвящение: «Светлой и горькой памяти дочерей моих Лидии и Ирины».

² Грех, по-видимому, состоял в совместном со взрослыми детьми курении.

Дорогой Ванек!

Давно уже пришло твое письмо, но тут так замотался в поездках, что за стол сесть некогда было: ездил сначала в Ирбит-город на читательскую конференцию по «Краже»,¹ а потом в Москву на пленум, а потом в Красноярск — проводить семинар молодых писателей. Возвратился простуженный и вымотанный до последних сил. Сейчас

уже вхожу в норму и работаю, готовлю «Кражу» для отдельного издания. Издаваться она будет в Москве, а там требования жесткие, и нужно еще и еще пролистать повесть.

Написал новую небольшую повестушку — она будет печататься во 2-м номере журнала «Молодая гвардия»,² а в 1-м номере журнала «Наш современник» идет мой новый рассказ про охотника и собаку.³ Журнал этот в киосках и библиотеках бывает — загляни, раз на охоту не попал, то хоть прочитаешь про нее и утетишься. А я тоже маленько пострелял — ухайдохал 25 рябчиков и одну кедровку. Мазал безбожно. Ружье-то новое, и я к нему долго примеривался. Бьет хорошо, но очень кучно и чуть только поторопишься, а рябчика приходится стрелять лишь с близкого расстояния, чуть поторопишься — и будь здоров! Но зато на 40—50 метров ружье бьет прекрасно — это то, которое мы купили у твоего друга, а то, что ты мне прислал позже, оказалось злосчастным. Понаехали ко мне друзья, палили в ястреба, подранили и стали бить его ружьем, и сломали шейку приклада — теперь в ремонте, но может выделают ложе для левого плеча — не бывает худа без добра. А с мелкашкой, Ваня, — не знаю, как и быть. Она лежит у меня в деревне, мне ее не регистрируют — надо, говорят, разряд иметь и еще чего-то. Я бы тебе ее вернул, Ваня, а? А то подведу тебя под монастырь. Может быть, ты летом все-таки соберешься с Тоней к нам и заберешь? Или как лучше сделать — посоветуй?

От Славки Шадринова⁴ получил несколько писем. Хочется ему уехать из Караганды, может быть к Вам? А я ему написал: приезжай да посмотри, если понравится — переезжай. Боюсь только, что переругаюсь я с ним. Он все же партработник, а я эту породу органически не переносу. Ну, там видно будет.

Как ты живешь, дорогой? Все на старом месте робишь или перебрался на телестудию? Как твои антихристы? Учатся все плохо? Мои вот большие стали и мучений с ними больше стало. Дочь не захотела сдавать в университет, я ее на завод сунул, так не нравится там, на квартиру, говорит, иду и работу смену, а я не уговариваю, устал уже. «Дуся, говорю, намотай сопли на кулак — может поумнеешь!». Сын также учится ни шатко, ни валко — двоек нет, но и пятерок тоже, а ведь предстоит поступать куда-то, хочется, чтоб в люди.⁵

¹ Повесть «Кража» появилась в печати в 1966 г.

² Повесть В. Астафьева «Где-то гремит война» напечатана в журнале «Молодая гвардия» (1967. № 2).

³ Рассказ «Синие сумерки» был опубликован в журнале «Наш современник» (1967. № 1).

⁴ Вячеслав Федорович Шадрин — однополчанин Виктора Астафьева, жил в г. Темиртау, был заместителем директора комбината по транспорту, бывал на партийной работе, потом переехал в Нижний Тагил.

⁵ Окончание письма отсутствует.

6

4 августа 1967

Дорогой Ваня!

Приехал я из Латвии, где был на декаде русской культуры,¹ и прочел твое письмо из больницы. Хорошо, что ты собрался вырвать гланды,

я это не могу сделать — собирался всю жизнь. Декада в Латвии была интересной, но утомительной, поэтому я сразу же уехал в деревню, где работаю и по лесу брожу. Много грибов <нрзб.> и погода хорошая. Чего ж вы не приехали-то?

На сентябрь я собираюсь в Сибирь, на родину, поработать надо и от семьи отдохнуть. Ребята — оба, завалили экзамены в Университет,² а точнее их завалили, ибо везде сейчас блядство такое, что не приведи Господь — берут таких паршивых людей, номенклатурных и торговых работников, а от меня чего? Ни шерсти, ни поклона! Мать с ребятами дошла до того, что не ест, не спит и вся больная. Куда сейчас наших великовозрастных ребят девать? Ума не приложу! Работу найти трудно. Андрея в техническое училище можно отдать, а Ирину? С девкой совсем трудно. Так вот и живем в заботах и хлопотах. К тебе я приехать не смогу. Уже выписана мне творческая командировка на сентябрь, в Сибирь, и в октябре у меня немало работы, редактора книги в Москве, откуда я вернусь уж только к празднику, если не позднее.

Ваня! Мелкашку я не оформил и не знаю, как это сделать. Знакомых у меня в милиции нет, а так оформить, говорят, разряд нужен и прочее. Я бы тебе обратно мелкашку-то отправил, но как? С кем? Может кто поедет, так ты мне заранее напиши, а то она у меня в деревне на полятах лежит. Ну вот и всё пока. Кланяйся Тоне. Привет парням. Обнимаю. Твой Виктор.

¹ В письме к Е. Н. Носову (1967) Виктор Астафьев сообщал: «Что за земля Латвия?! Пески, болота и камня по полям, но земля обихожена, заселена народом трудовым и с большим чувством собственного достоинства. Культура жизни и труда древняя, от немецких баронов доставшаяся... Писателей уважают. Много поют и веселятся. Всюду опрятно и много цветов. Рыбалка хорошая. Земля и вода все еще не засраны» (ф. 805).

² В автобиографической повести «Знаки жизни» М. С. Астафьева-Корякина рассказывает свою версию поступления сына в университет. Она пишет: «На самом же деле некоторые из членов приемной комиссии пытались приобщиться к литературе, предлагали Виктору Петровичу прочитать их сочинения и, может быть, — намекали — посодействовать их продвижению к изданию. Виктор Петрович, человек обязательный, прямой, рукописи прочитал не все, сказал, что для публикации они не готовы: иные — вторичные, особенно стихи, другие отношения к литературе не имеют вообще, это литературные пробы школьника... В результате не хватило одного балла» (*Астафьева-Корякина М. С.* Сколько лет, сколько зим. С. 371).

7

25 октября <1968>

Дорогой Ваня!

Прежде всего поздравляю тебя, Тоню и архаровцев твоих с праздником! Давно уже нет от тебя писем. Как вы там? Приглашал тебя я в одном письме на лето к нам, но ты или не получил письма, или ответить не собрался. Лето было грибное, дождливое. Насушили мы и на вашу долю грибов, но так срочно уезжали из деревни, что они оказались там и теперь. Попадем мы туда не скоро и пришлем вам грибов лишь к Новому году, а хотелось бы послать к октябрьской.

В сентябре я ездил на встречу ветеранов нашей дивизии в Киев. Обещался подъехать Слава Шадринов, но не приехал. Видел Бахтина

с женой, Дидыка с женой и еще несколько человек из нашей бригады.¹ Люди эти изменились внутренне очень мало, все так же высокомерны и тупы, говорить с ними в общем-то не о чем, а слушать хвастовство и прочее противно. Много было евреев среди ветеранов, и это уж совсем гадко. Я там даже ругался раза два с господами офицерами. Да ну их! Не люблю я военных и нутром их не принимаю. Дела мои идут ничего. Вышло нынче несколько книг. Лучшую из них — посылаю тебе. Сын мой находится в Чехословакии.² Очень мы за него беспокоимся и переживаем. А старший — племянник³ приехал из Уссурийска и собирается назад. Я же послезавтра на целый месяц уезжаю в Москву работать над переизданием всех повестей, хотя новые должны выйти в будущем году.

Здоровье у меня ничего, а жена прихварывает. Ну, и годы, и невзгоды сказываются, и тут уж куда не денешься. Как ты поохотился? Я неважно. Убил трех рябчиков и одного чирка, вот и вся охота.⁴ Поотравили у нас птицу химикалиями, обсыпают лес с самолетов, травят клещей, а гибнет птица — клещи живут. Ну, будь! Обнимаю тебя. Твой Виктор.

¹ Евгений Васильевич Бахтин — командир дивизии, в которой воевал В.П. Астафьев. Алексей Кондратьевич Дидык — командир 17-й артбригады, которая входила в дивизию, которой командовал Бахтин.

² Андрей Астафьев вместе с контингентом советских войск находился в Чехословакии в 1968 г.

³ Племянник Анатолий Петрович Хорошунов, сын рано скончавшейся сестры Марии Семеновны, детство провел в семье Астафьевых.

⁴ Позднее Астафьев вспоминал об охоте в этот период в одном из интервью 1978 г.: «Когда переехал в Пермь и купил избу в глухой деревне Быковке возле Камского водохранилища, на охоту уже далеко ездить не приходилось <...> По вырубкам взошли осинники, липа, березняк. Необозримое море розового кипрея, малины, всякой разной дудки, чертополохов, ягодников. Дичи было густо, особенно тетеревов много гнездились. Веснами небосвод качался от свиста, звона, гулюканья и грая. Сидишь, бывало, на тетеревиному току и до того заслушаешься, что стрелять позабудешь, а то и заплачешь. Охота была хорошая, пока не обрабатывали с самолета вырубки химическим порошком, борясь с энцефалитным клещом. Однажды, когда сидел на лунке, и меня с воздуха дустом обсыпали. Клещ же как жил в лесном хламе, так и живет по сию пору, зато птица вывелась почти подчистую» (цит. по: Вологодские затеси Виктора Астафьева. С. 527). В одном из своих очерков этого времени В.П. Астафьев картину охоты изобразил более резко, написав, что после вихря дуста в лесу на просеке находились трупы беззащитных птиц. В письме М.С. Астафьевой Е.И. Носов <1968>, прочитав этот очерк, писал: «К великому сожалению, ничего этого быть не могло. Ну, во-первых, почему эти глухари, рябчики, дрозды, скворцы решили умереть на просеке? Ведь не только одна только просека была посыпана дустом.<...> А самое главное — от дуста эдак вот не умирают. Дуст — ядовит, но он относится к веществам не прямого действия, как, скажем, стрихнин, а проявляется постепенно, даже через целые поколения, воздействуя на наследственную систему. Так что, наклевавшись дуста, глухарь или рябчик в полном здравии улетит дальше, а не падет тут же. Точно так же не падут и зверушки, поевшие „отравленного“ мяса. Между прочим, в своей запальчивости, в желании сказать резко и веско, произвести впечатление, сенсацию, Виктор очень часто допускает подобные неточности» (ф. 805). Эта «неточность» всегда соединялась у Астафьева и с большим интересом к деталям человеческой, военной и природной жизни (см., например, примеч. 1 к п. 16).

24 октября 1970

Дорогой Ваня!

Прими мои сердечные поздравления с наступающим праздником!

Дни и годы идут — завтра мы с Марией отмечаем серебряную свадьбу. Все лето я промотался — ездил после Ленинграда в ГДР, месяц жил на Урале, работал в деревне, затем ездил на <нрзб.> Обь, настрелялся и нарыбачился досыта, после был в Москве и Архангельске. Вот вернулся домой и уже жена напоминает, надо работать, а то годы уходят, а сделано еще очень мало. Сын поступил после армии в Пермский университет — настойчивый и умный парень, а дочь так и болтается без дела возле нас, делает вид, что ищет работу. Тоже горе нам с нею. Ну да все в порядке в жизни ни у кого не бывает. Иногда скучно жить сделается. А как твои дела? Как служит парниша и учится Вовка? Поклон мой и Марии Тоне. Извини, что пишу коротко. И совсем каракулисто — устал как собака. Обнимаю. Твой Виктор.

9

18 декабря <1970> Б / г.

Дорогой Ваня!

Из деревни Быковки, куда я приехал поработать после того, как ты еще раз переехал на другую квартиру, шлю тебе привет и Новогодние поздравления, желаю всего, что положено желать под Новый год — здоровья главное. Тоне и Вовке поклоны. Здесь в уральской деревушке, где сохранился наш домик, я написал роман о войне и даже закончил черновик его.¹ Погода стояла сильно сырая, хмурая, речки вскрыты были, и я еще порыбачил малость. А сейчас уже снежно, морозно сделалось, и мы собираемся домой. Ваня, у меня к тебе просьба: напиши, пожалуйста, в чем заключались обязанности топографа на войне² и чем он помогал при ведении огня артиллерией, как и на чем делал вычисление, вообще, что делал он и какими терминами пользовался? Выбери время и напиши, пожалуйста, мне подробно! Это мне нужно для работы над романом. Обнимаю и целую тебя, твой Виктор.

¹ По-видимому, имеется в виду повесть В. Астафьева «Пастух и пастушка», опубликованная в 1971 г. в журнале «Наш современник» (№ 8).

² Иван Николаевич Гергель был на войне топографом, поэтому друзья-фронтовики в шутку его называли «циркулем» (сообщено М.С. Астафьевой в беседе с автором публикации 3 июня 2009 г.).

10

10 декабря 1975 г.

Дорогой Ваня!

Вот еще один год прошел! С наступающим тебя, Тоню и парней, и пожелание теперь только одно остается, только здоровья, здоровья, здоровья! Все остальное в нашем возрасте не имеет уже никакого значения. Я все лето и осень сидел в деревне, заканчивал новую книгу,

закончил лишь вчера — <нрзб.>, рукопись большая — 537 страниц на машинке.¹ Пролистать и то трудно, а переписать?! Иные главы переписываю по 5—6 раз и так устал, что ничему не рад и едва ноги таскаю. Завтра еду в Москву, на съезд писателей и увезу эту рукопись в журнал, сдам и скину тяжесть <нрзб.> и с души, ну, а там редактура, правка и т. д. Сын наш маленько поправился, из больницы вышел, уже работает, парень он у нас очень хороший. Дочь с мужем живут ничего, скоро ей уже рожать, станем мы дедом и бабкой. Вот дожили, докатились! А как живете вы? Что давно не пишешь. Не обижайся на меня, я урабатываюсь, что мне на бумагу и чернила смотреть бывает тошно. Обнимаю и целую тебя. Твой Виктор.

¹ По-видимому, имеется в виду повествование в рассказах «Царь-рыба», появившееся в печати в 1976 г. в журнале «Наш современник» (№ 4—6).

11

<май 1976> Б / д.

Дорогой Ваня!

Прими наши поздравления с маем и Победой! Пусть у тебя всё хорошо устроится на новом месте и здоров будь! Из Орска хорошо, что ты уехал, ни лесу там, ни воды <нрзб.>. Авось, почаще видеться будем.

А я вчера стал дедом.¹ Ирка родила нам внука, и сама при этом чуть Богу душу не отдала, и сейчас еще в опасном состоянии.

Сам я тоже в больнице со своей дежурной болезнью — воспалением легких, но уже поправляюсь, думаю к середине мая выписаться и уехать в деревню. Если будет время летом, а особенно осенью, приезжай. Поживем в деревне, походим с ружьишком по лесам, я в прошлом году много ходил, стрелял рябчиков и хорошо себя чувствовал. Дом у нас стоит на берегу реки, на красивом месте.² Печатается моя новая повесть в журнале «Наш современник» с № 4,³ сократили ее здорово, но кое-что и осталось. Поклон твоему брату и его семье. Обнимаю и целую тебя. Виктор.

¹ В мае 1976 г. дочь Астафьева — Ирина родила сына, которого родители назвали Виктором. На книге, подаренной друзьям, сейчас хранящейся в Вологодской областной универсальной научной библиотеке, рукой писателя было написано: «Ирине Викторовне и Виктору Васильевичу Гуре с давней симпатией и самыми добрыми пожеланиями — здоровья, успехов в труде и радости в детях! Новоявленный дед и автор В. Астафьев. Май 1976 г.». Инскрипт воспроизведен в книге «Вологодские затеси Виктора Астафьева».

² Дом В. Астафьева в вологодский период его жизни (1969—1980) находился в деревне Сибле на берегу реки Кубены.

³ В журнале «Наш современник» в 1976 г. № 4 публиковалась повесть «Царь-рыба».

12

4 мая 1977

Дорогой Ваня!

Совсем замотали меня дела-делишки, и вот с праздником даже тебя не поздравил и не помню, послал или нет тебе свою «нарядную <нрзб.>» книгу. Если послал — будет у тебя две, стало быть.

Жизнь моя идет больше в суете и хворях — замучила меня хроническая пневмония, ты правильно, пожалуй, сделал, что не остался в этом гнилом климате. Я был в январе в Ленинграде, выступал там — ужас, туманы, сырость, мокрый воздух, и угрозидило нашего царя строиться в болоте, когда на тыщи верст сухого места и благодати полно. Это только русский гений — дурак и самодур — мог сотворить, больше никто, и все оттого, что он «гениально видел выгоду» и насрал на народ, которому тут жить и гибнуть — тоже характерная черта русских правителей всех времен и, в особенности, наших, советских деятелей, костер бы ярче горел, а хворосту — народу на их хватит, бросать не перебросать.

Завтра я уезжаю в Польшу, собираюсь побывать на местах боев,¹ попрошу вернуться и туда, где тебя ранило — я помню это место хорошо. У меня в Польше вышло уже несколько книг, а сам я там ни разу не бывал — еду с делегацией писателей на декаду польско-советской книги. Закончил я «Последний поклон», сейчас и летом все буду «доводить до ума», править, чистить и т. д. Редактировать ее станут в будущем году — обе книги вместе² (повесть состоит теперь из двух частей), <скоро> выйдет «Царь-рыба»³ — предположительно в середине лета следующего.

Сам я все лето буду в Сибири — там у меня начались съемки фильма по «Перевалу»⁴ — <приехал> «Мосфильм». Собираюсь писать о войне. Вот как закончу с интервью, завершу все дела и начну, тогда-то и объеду я всех вас, побываю и у тебя, и у Славы — повспоминаем все «прелести» военной жизни — это мне поможет в работе. В Житомир я едва ли поеду, буду опять занят, да и неинтересно смотреть на всю эту разжиревшую военную аристократию. Поклон всем твоим, Ваня. Тебя обнимаю и целую! Не обижайся, что редко пишу. Твой Виктор.

¹ В беседе на телевидении (1979 г.) Астафьев говорил: «Вся моя граница во время войны заключалась в том, что я был в Польше полтора месяца всего, меня под Дуклой ранило очередной раз. И я медленно с перекладными ехал. Когда перевезли через границу, я не знаю. Видимо, спали. И вдруг ночью, я слышу, осмотрщик вагонов орет на всю Ивановскую, — из боксы кто-то паклю вынул. Я был железнодорожником, я понимаю, что случилось. И я помню, что я заревел. Мальчишкой был, да еще раненый» (цит. по: Вологодские затеси Виктора Астафьева. С. 573).

² «Последний поклон» (1958—1976) — цикл рассказов о сибирской деревне 1930—1940-х гг. резко распадается на две части. Если начальные главы более лиричны, отмечены мягким юмором и легкой иронией, то последующие уже содержат обличительный пафос, направленный против разрушения национальных основ жизни, они полны горечи и сожаления.

³ Отдельное издание «Царь-рыбы» вышло в роман-газете в 1977 г.

⁴ Режиссер Булат Мансуров в это время собирался экранизировать повесть В. Астафьева «Перевал». Фильм назывался «Сюда не залетают чайки». После премьеры фильма режиссер сказал: «Книги Астафьева задушевные, мудры... В них есть печаль и светлая грусть, но нет надрыва, безысходности. В этих книгах живет здоровый народный юмор, озорная улыбка. Писатель, не в ущерб мысли и глубине рассказа, захватывающе выстраивает свое повествование. И это нас ко многому обязывало. Поэтому было решено провести все съемки в экспедиции, в тех самых местах, которые описаны в „Перевале“. Наша группа высадилась в Красноярском крае, в устье реки Маны. Затем мы перебрались в глухие верховья реки и оттуда начали свой путь на двух плотках <...>

Почти все время, пока снимался фильм, Астафьев жил рядом с нами. На ходу по нашей просьбе переделывал сценарий, дописывал сцены, заново выстраивал диалоги. В работу никогда не вмешивался. Смотрел и молчал» (цит. по: Вологодские затеси Виктора Астафьева. С. 66—67).

13

<январь 1978> Б / д.

Дорогой Ваня!

Не шуми! Все идет своим чередом. Я распутываюсь со своими делишками, освобождаюсь от хворей, чтобы поехать к друзьям вместе с Марьей — у нас ведь внук еще на руках. Поедем скорей всего в середине февраля — раньше не выходит, и поедем поездом, а это мимо тебя — через Свердловск — Курган — на Караганду.¹

Я смотрел карту — вам от Орска ехать по южной дороге совсем недалеко, так что встретимся уже в Темиртау, я из Кургана дам тебе телеграмму <дополнительно>, и из дома, когда выедем, тоже дам — тебе ведь можно приехать на денек раньше нас в Темиртау? Как у тебя с производством, отпустят, небось, зимою, объясни зачем едешь — везде свои люди — поймут. Итак, до встречи! Даст Бог, ничего не помешает. Я тут в Новый год и после него перемогался. А встречали Новый год вдвоем с Марьей. Сиротливо. Выпили шампанского, и я спать ушел, а она телевизор смотрела одна.

Вот так-то и живем!

Поклон Тоне и парням. Виктор.

¹ Эта поездка состоялась. В интервью Р. Баруздиной В. Астафьев сообщал, что из его взвода осталось только четверо солдат в живых: «Да, вот я и побывал нынче у ребят. Эту поездку я задумал давно. Долго собирался, наконец съездил. В Орске погостил у друга, которого я вынес раненого с поля боя, а в Темиртау живет однополчанин, вынесший раненого меня... Впервые после войны мы увиделись все вместе» (*Астафьев В.* Поклонись родной земле // Лит. газета. 1978. 26 июля).

14

1 февраля 1978

Дорогой Ваня!

Ну, знаешь, мы так и сделаем — поедем через Орск, а обратно уж заедем в Курган и Свердловск, если будем живы и здоровы. Из Москвы мы скорее всего полетим. Ехать долго. Дадим телеграмму. До встречи! Привет Тоне. Виктор.

15

22 октября 1980

Дорогой Ваня!

Поздравляю тебя, Тоню, твоих парней и внучат с наступающим праздником и желаю всем доброго здоровья, теплой и сытой зимовки, да мирного, хоть и дымного, неба над головой.

Я давно тебе не писал оттого, что переезжал на Родину — устал от вологодской сырости, и давно тянуло переехать домой. Переехал еще

в июле, но был болен пневмонией и сразу залег на койку, но к осени стало лучше, ибо погода здесь была сухая, солнечная, редко выпадали дожди, урожай хороший, но горько, что, как у нас водится, не сумели полностью убрать, а то, что убрано, сгноят и с протянутой рукой двинутся к врагам за помощью: «Подайте ради коммунизма, господа империалисты!».

От Жоры Шаповалова получил письмо, а от Славы и Петьки нет ничего,¹ Петьке некогда, гуляет, гад, наверное, а Славка заруководился. Фотографии твои получили еще в Вологде. Спасибо! Марья Семеновна приехала ко мне в сентябре, ребята и внуки остались в Вологде — семья распалась. Но что мог сделать? Мне хочется тоже самому-то еще пожить. Обнимаю — Виктор.

Адрес: 660036. Красноярск. Академгородок, 14, кв. 55 (и деревенский на конверте).

¹ *Георгий Федорович Шаповалов, Вячеслав Федорович Шадрин и Петр Герасимович Николаенко* — однополчане В. Астафьева. В завещании В. П. Астафьева (1987) перечислены все его друзья-фронтовики, о которых он написал, в частности: «Все мои однополчане, то есть близкие мне по фронту люди, и после войны остались людьми достойными: честно зарабатывали свой хлеб, трудно приобретали знания, не изолгались, не заворачивались, дорожили товариществом нашим. И хотя мы редко встречались в суете нашей жизни и из-за материальных затруднений, остались друг для друга братьями, верными памяти нашей, никто не разрушил своей семьи, не осиротил своих детей, не обездолил женщину, богом ему данную» (*Астафьев В. П.* Нет мне ответа... С. 685). Уже после ухода писателя Мария Семеновна собирала друзей вместе в Красноярске, выполняя последнюю волю супруга.

16

<1980—начало 1981> Б / д.

Дорогой Ваня!

Получил твое письмо с групповыми фотографиями, теперь это лишь воспоминания о командире-фронтовике. Был у меня Петька Николаенко проездом, и когда я ему сказал о смерти Бахтина,¹ он без зла сказал: «Хай ему земля будэ пухом». Пьет Петька как лошадь, и никаких у него более интересов нету.

А мы всё еще мудохаемся с переездом. Недавно приехала Мария, определив дочь и внука в новую, двухкомнатную квартиру, и отгрузила остатки барахла, половину которого надо бы выбросить, да трудно русской бабе, вот и расталкивает по углам, и сразу сделалось тесно в квартире.

Зима здесь стояла прекрасная, солнечная, с легкими морозами, какая здесь и бывает. В 100 лет раз и я себя хорошо чувствовал, но сделал очень мало, мешала суета, окружающие люди, почта и всякие прочие дела.

Марья в декабре чуть не умерла, едва успели сделать операцию, теперь надо жить бы, да когда? Вот 9 марта, если ничего не помешает улететь в Москву, у меня там дела, а потом может и на юг слетаем, погреться, в Таджикистан, где у меня живет хороший приятель.

Читать я тоже мало стал. Куда-то утекает время, как вода сквозь сито. Купил я себе новую машину, и с ней хлопоты.

От Славы и Жоры регулярно получаю письма, живут, старятся. Слава было засобирился в Москву, на высокий пост, да я отговорил его — не те уже годы, чтоб гоняться за постами и переезжать в столицу.

Ну вот, пока и все. Поклон Тоне и детям твоим, сыновьям, внучатам, невесткам. Тебя крепко обнимаю и целую. Виктор.

Р. S. В Житомир² я не поеду, много дел на весну скопилось.

¹ В. П. Астафьев переписывался со своим командиром Евгением Васильевичем Бахтиным. Опубликовано самим Астафьевым одно письмо к Бахтину <1975>, в котором писатель просил сообщить ему сведения о наших гаубицах: «Почему они шнейдеровками называются? Каков эффект их стрельбы? Как готовились к переправе? Как вели бой с другого берега? Делалась ли какая-то разведка и пристрелка заблаговременно? Подробней и как можно больше напишите терминов, которыми пользуются при ведении и подготовке огня с закрытых позиций и на прямой наводке. Какие чувства переживали Вы, когда находились на плацдарме, особенно к тем, кто оставался на левом берегу, попивая водчонку, щупая баб и требуя от Вас „активных действий“, сводок и донесений?». В этом же письме В. П. Астафьев сообщал, что он написал «начерно роман о форсировании Днепра. Роман небольшой, „тургеневского размера“, но тем не менее очень сложный и долго мне еще предстоит с ним возиться...» (Собр. соч.: В 15 т. Т. 14. С. 116). Речь идет о романе «Прокляты и убиты», вторая часть романа называется «Плацдарм».

² В Житомире постоянно происходили встречи ветеранов дивизии, в которой служил В. П. Астафьев.

17

10 октября 1981

Дорогой Ваня!

Я только что возвратился домой — ездил с бригадой писателей в Петрозаводск и Мурманск, а затем в Вологду навестить детей и внуков. Они, слава богу, пока живут ничего, хотя малый и приболел маленько.

Проездив месяц, и дома накопилось столько дел, до хрена. Ждало тут меня и письмо с приглашением на встречу, но я не могу поехать, дел куча, да и предстоит мне поездка в Австрию в ноябре, не мотаться же без конца, тем более, что ничего интересного на встречах наших ветеранов я не ожидаю. Напиться, так я и без них сумею, а с ребятами встретиться можно и у Жоры, он зовет.

Я всё лето устраивался, строил гараж, горотьбу, обихаживал избушку, всё это требует времени, средств и моего присутствия. Ещё и не отдышал, раза два съездил по ягоды и грибы, и всё.

Очень начали болеть суставы ног — прямо и ходить не могу, особенно когда погода плохая, болит и голова, всё болит, по всему телу дрожь «ходит» и напоминает о загубленной молодости.

Книг новых у меня ещё не выходило, всё идут переиздания. Но на будущий год должна выйти новая книга «Затесей», я тебе ее пришлю. А получил ли ты 4-й том собрания сочинений?¹ Я послал тебе его из Вологды. Напиши, а то я беспокоюсь. Книжки читал. Карамзина — в пути.

Давно нет писем от Славы и Жоры. Как-то они там? А как твои парни и внуки? Как Тоня? Поклон им всем от меня и Марии, а тебя я обнимаю и целую. Здоров будь, по возможности. Твой Виктор.

1 июня 1982 г.

Дорогой Ваня!

Ничего с нами не произошло, просто стареем и не успеваем уже многое сделать, хотя и суедемся без конца.¹ Болеть нынче, слава богу, шибко не болели, хотя и похвастаться особо здоровьем не можем, прежде всего Мария — у нее и сердце сдает, и голова, и ноги в плохом состоянии, а тут еще и брат умер — младше её, да и старший уже не выходит из дому, ждет смерти.

У детей, в Вологде, все пока в порядке, и это главное. Внуки растут, обременяют заботой родителей. Я же конец зимы, весну и начало лета много работал, лишь в апреле съездил на полмесяца в Москву по делам и кое-что посмотреть, а вернувшись, не успели уже никому написать праздничные поздравления.

Делаю я новую вещь о современной жизни, весь в ней запутался и отложил до зимы.² Сейчас обретаемся в деревне и занимаемся землей, что-то копаем, полем, поливаем, а за стол садиться неохота, надоела бумага, надоели чернила — тошнит при виде их.

Ребята, Слава и Жора, иногда напоминают о себе. Жора пишет про всех. Петя Николаенко проезжал Красноярск зимою, прибежал к нам, а нас, как на грех, унесло куда-то. На Украину я не ездил, а книгу в какой-то музей свою послал и фото послал.

Так вот и живем помаленьку. Старимся после пятидесяти довольно быстро. Выглянем, да на горы смотрим — лето уже проходит. А как у вас? Что дети? Внуки? Как себя чувствует Тоня? Поклон ей. Мы летом никуда не собираемся ехать, очень тяжело отсюда летом куда-то ездить, а вот по ягоды и на рыбалку собираемся.

Ну, обнимаем всех Вас и целуем — я и Мария. В. Астафьев. Село Овсянка.

¹ В частном письме друга писателя Е. И. Носова есть следующее наблюдение об Астафьеве: «Легко и весело ты обмолвился о своей старости! Видимо, у каждого она своя: каков сам человек, каков у него характер, такова и его старость. В этом смысле тебе повезло. В силу своего иронического и гораздо подшутить склада ты непринужденно встречаешь и эту фазу человеческого бытия» (*Астафьев В. П. Собр. соч.*: В 15 т. Т. 15. С. 156).

² «Новая вещь о современности», по-видимому, роман «Печальный детектив», который трудно складывался у Астафьева. В печати он появился в 1986 г.

7 января 1983 г.

Дорогой Ваня!

Прости, что вовремя не поздравил тебя с Новым годом. Жизнь и нас крутит-вертит на старости лет, как обкопченный стог, выбивая из него последние зерна и пыль, да ос...

Дочь наша разошлась в Вологде с мужем, но не просто так разошлась, а с наследством. Вот сейчас находится в Красноярском роддоме,

будет рожать второго, а здоровье у неё плохое, и как она будет управляться с двумя, еще плохо себе представляет, точнее, совсем не представляет, ибо своим заработком еще не жила, это я кормил и кормлю и её с дитем, и мужа-забуддыгу кормил, который так к этому привык, что и получку перестал домой приносить.

Надоели они мне все хуже горькой редьки. Я так нервничал и переживал, что забарахлило у меня давление, и я слег, гипертония свалила. Работать не могу. И сколько я из-за своей дочери перетерпел! Сколько не написал из того, что задумал, никому даже в голову не приходит подсчитать. Вот свалился, а если сдохну, кто их кормить всех будет? Они ж давно не замечают, что кто-то их кормит, поит, думают, что с неба все валится.

Посылаю тебе книгу «Затесей», в ней большинство новых, пока выходила эта книга, крови мне испортили банку.¹ А я хотел всех вас собрать в Барнауле, на поминки Моти Савинцева,² они, Савинцевы, ждали нас в декабре, а теперь надо все отложить до марта, пока я развжусь с делами и этими домашними хлопотами и нервозностью.

Так что ты имей в виду март. Сейчас уж поздравляю тебя со старым Новым годом! Здоров будь! Чего более пожелаем мы друг другу?! Поклон всем твоим. Обнимаю, целую. Виктор.

¹ Имеется в виду сб. «Затеси». Красноярское книжное издательство. 1982.

² Мотя Савинцев, друг и однополчанин В. Астафьева, явился прообразом героя первого рассказа писателя «Гражданский человек» («Сибиряк»), опубликованного в газете «Чусовой рабочий» в 1951 г. Сам писатель вспоминал: «После войны занимался в литературном кружке одной уральской газеты. Там я прослушал однажды рассказ кружковца, который взбесил меня надуманностью и фальшью. Тогда я написал рассказ о своем фронтовом друге. Он и стал моим писательским дебютом» (Смена. 1986. 6 апр.).

20

27 марта 1983 г.

Дорогой Ваня!

Пришло твое письмо, собрался ответить и тяжело заболел. Вот сегодня месяц, как в больнице, и еще столько полежу.

Хотел ехать в Барнаул, к Савинцевым, ребят соблазнил, а сам вот свалился и едва не помер, двухстороннее воспаление легких на мои старые интересные болезни. Но выкарабкался, третий день гулять на улице хожу.

Дома пока, слава Богу. В январе Ирина родила дочку, рожала здесь в Красноярске. Сейчас уже в Вологде с двумя детьми, а с мужем разошлась, забулдыга он и пьяница. Андрей покупает квартиру, кооператив, а то натаскался по чужим углам с ребенком. Маня хлопочет по дому, бегаёт ко мне. Вот пока и все, писать много еще не могу. Обнимаю и целую тебя. Виктор. Поклон Тоне, Коле и Вовке с семьями ихними.

21

20 ноября 1983 г.

Дорогой Ваня!

Поздравляю тебя, Тоню и всех ваших ребят и внучат с Новым годом! Здоровья всем вам и мирного года, остальное уж все от Бога.

Ездил я недавно в Барнаул вместе с Петькой Николаенко, ходили навестить семью Моти Савинцева. Петька водки нажрался и никому говорить не давал, но все равно поговорили, помянули Матвея — у которого уже есть правнуки, а он лежит в земле и не знает об этом.

Я все лето много работал. Погода была плохая и загнала меня за стол. Пишу книгу о войне.¹ Страшно и тяжело её вновь вспоминать и переживать, а надо, может, хоть кого-то образумит правда о войне, а то опять головешками размахались поджигатели всякие, в том числе и наши. Дети и внуки у нас живы и здоровы, мы перемогаемся, ждем тепла. Обнимаем, целуем вас — я и Мария.

¹ Вероятнее всего, Астафьев писал роман «Прокляты и убиты». Есть свидетельства, что роман был задуман писателем в конце 1970-х г.

22

<1987?>

Тоня! Ваня! С Новым вас годом! Здоровья и сил на остаток жизни, а детям и внукам мира и счастья на земле! Дела наши идут всяко. Чуть не распрощались мы с Марьей Семеновной — случился у нее тяжеленный инфаркт. Месяц отвалялась в больнице, сейчас дома, едва двигается. Были и другие беды и переживания. Но как без них? Никто без них нынче не живет. На Украину я так и не съездил, а собирался. Ну, обнимаем и целуем вас всех — Виктор, Мария.

23

6 мая 1987 г.

Дорогие мои — Тоня! Ваня!

Спасибо за поздравление. Простите за долгое молчание. Очень тяжелой была зима, едва не умерла Мария. Два инфаркта подряд ударили ее, бедную, и всю-то зимушку она выкарабкивалась наверх, да и сейчас еще пьет горстями лекарство.

Дома, кроме меня — никого. Вот и вертелся по домашним делам, бегал в аптеку, больницу, и всю зиму почти ничего не написал, а планов было много, да и годы уходят.

Сейчас Марье, с наступлением тепла, стало легче, так я свалился — долго жил в напряжении, в бегах, вот и сдало сердце, хотя я на него никогда особо не жаловался. У меня легкие плохие, ну и печень начала сдавать, и желудок, и атеросклероз есть тоже, скоро уж дело до того дойдет, что придешь в сортир и не сможешь вспомнить, зачем пришел? Но художественная «книжная закалка» у меня еще осталась, грех жаловаться, а может, это профессиональное свойство, Бог его знает.

День рождения лежал, а завтра в деревню собираюсь <...>. Не знаю, правда, на кого и как оставлю Марью. Она еще не транспортабельна.

Вышла у меня книга переизданий, у Вас все это, кроме предисловия, есть, но чтоб знали, что я Вас люблю и помню, <все высылаю?>, да и издана книга превосходно.

В эти дни идет фильм по моему сценарию (сегодня — вторая серия) «Где-то гремит война» — удалось ли посмотреть? Не обижайтесь

на меня, что редко пишу. Вот уже два месяца пытаюсь что-нибудь написать о Равиле¹ и хоть немножко утешить его жену, но все время отрываю меня от стола и надолго.

Ну, авось, летом чего-нибудь напишу. Если соберетесь со Славой в середине лета или после Октябрьских, будем рады вас обнять и обласкасть. В октябре, коли будем живы, уедем далеко. Кланяюсь, обнимаю, целую. Виктор. Привет детям и внукам.

¹ *Абдрашидов Равиль Аббасович* — однополчанин В. П. Астафьева, умер в 1987 г.

24

<конец 1991 г.> Б / д.

Дорогие Тоня! Ваня!

Ваши детки и внучата — всех вас с Новым годом и надеждой, что он не будет тяжелее нынешнего, хотя бы в конце его увидится просвет, хотя я в это уже почти и не верю. Но главное — здоровья, хотя бы сносного для поддержки духа в этой шумной действительности. Мы живем помаленьку. Внучата растут, Витя — внук уже выше меня на два сантиметра, носит мою обувь и шапку, а Поля¹ учится во втором классе и всячески увивливает от домашних заданий, девочка веселая, живая и большая артистка, но и ласкова и сердечна. Иногда досаждаёт бабушке, а здоровье у нее совсем худое, она и говорит: «Пока ты меня так расстраиваешь, я могу умереть!». А Поля ей: «Агаушки! А кто меня растить будет?». Словом, у всех свои беды и радости, и мы не исключение.

Главное у меня застопорилась работа, не идет.² На душе тошно, вот и думаешь: «А кому это нужно? А пошло оно всё!..». Будем ждать весны и тепла, солнца, может и эту смуту переживем? Уповаем на Бога, более надеяться не на кого. <Ваш Виктор.>

¹ Внучка Полина родилась в январе 1983 г.

² В письме критику В. Курбатову от 13 марта 1991 г. В. П. Астафьев писал: «Закончить бы вторую книгу и сразу вместе их тиснуть, а тогда бесись вся военная и комиссарствующая камарилья. Третью-то книгу я на волне первых двух вынесу» (*Астафьев В. П.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 417). Первая книга романа «Прокляты и убиты» под названием «Чертова яма» опубликована в журнале «Новый мир» в 1992 г. (№ 10—12), вторая — «Плацдарм» в 1994 г. (№ 10—12). Третья книга романа о жизни фронтовиков после войны в печати не появилась.